

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМА РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1916.

Къ Фихристу I, №, 22.

[Наводи справки въ словарь аф-Сагāиī по рукописи университетской библиотеки—Ms. O. 98, я обнаружилъ въ ней случайно нѣсколько листовъ съ замѣтками покойнаго бар. В. Р. Розена. Нахождение ихъ здѣсь меня не удивило: мнѣ было известно, что В. Р. очень высоко цѣнилъ эту рукопись, неоднократно пользовался ею въ своихъ работахъ¹, а въ бесѣдахъ даже называлъ иногда рукопись наиболее интереснымъ экземпляромъ университетскаго собранія. Бѣльшей неоживанностью было то, что эти листки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случайныхъ замѣтокъ и выписокъ, оказались началомъ статьи, повидимому, подготовленной самимъ барономъ В. Р. Розеномъ къ печати; и вставки, и дополненія, и самое заглавіе говорятъ о томъ, что именно эти страницы предназначались для сдачи въ наборъ. Къ сожалѣнію, статья обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ изложеніе переходитъ къ рукописи аф-Сагāиī; по ходу мысли, однако, не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что именно, цитата изъ этой рукописи являлась центромъ всей статьи.

Я считаю своимъ долгомъ ученика подѣлиться съ читателями Записокъ Восточнаго Отдѣленія интересной находкой — неизвѣстной работой моего учителя, основателя и долгодѣтельнаго редактора органа русскаго научнаго востоковѣдѣнія; отмѣченное имъ мѣсто *Фихриста* не привлекало до сихъ поръ вниманія арабистовъ и статья продолжастъ сохранять весь интерес новизны. Въ дополненіе къ рукописи В. Р. я счелъ необходимымъ привести не только ту цитату изъ аф-Сагāиī, которую несомнѣнно имѣлъ въ виду авторъ, но и отмѣтить нѣкоторыя данныя изъ опубликованныхъ позже источниковъ, хотя они относятся не столько къ имени, вѣрная форма котораго устанавливается статьей бар. В. Р. Розена, сколько къ личности, носившей это имя.

Никакихъ слѣдовъ продолженія этой статьи, — быть можетъ существовавшего, быть можетъ только намѣченнаго, — мнѣ не удалось обнаружить; нѣтъ у меня ни-

¹ См., напр., ЗВО. VII, 382, XVII, 036 прим. 1.
Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XXIII.

каких данныхъ, чтобы установить, къ какому времени она относится. Судя по тому, что въ рукописи находилась листокъ съ цитатами изъ стиховъ ал-Ахтала, можно предполагать, что В. Р. обращался къ ней при чтеніи корректуръ изданія А. Salhani, которое вышло въ 1891—1892 году; къ 1892 году относится и рецензія на работу R. Geuer'a, въ которой приводятся извлеченія изъ этой же рукописи¹. Конечно, какъ я уже отмѣтилъ, бар. В. Р. Розенъ обращался къ словарю ас-Сагāнī и впоследствии, но отсутствіе въ статьѣ цитатъ изъ источниковъ, опубликованныхъ въ концѣ 90-хъ годовъ, говоритъ скорѣе за то, что статья написана въ началѣ десятилѣтія; не исключается, однако, возможность того, что авторъ имѣлъ въ виду привлечь ихъ въ недомедленной до насъ части работы. Мнѣ лично представляется вѣроятнымъ предположеніе, что В. Р. познакомился ближе съ рукописью ас-Сагāнī въ концѣ 80-хъ годовъ, когда подготавливалъ index арабскихъ рукописей университетской бібліотеки, такъ какъ каталогъ I. Готвальдта даетъ очень неполное представленіе о важности словаря.

Почему статья не увидѣла свѣтъ и была ли она закончена, — объ этомъ можно только гадать. Вѣроятнѣе всего, что новыя темы и новыя работы, которыми такъ богата научная дѣятельность бар. В. Р. Розена въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, вызвали въ немъ охлажденіе къ начатой статьѣ; она была отложена, а потомъ и забыта въ той самой рукописи, которая дала поводъ къ темѣ.

Рукопись печатается мною безъ всякихъ измѣненій съ сохраненіемъ того же порядка примѣчаній, системы транскрипціи и знаковъ препинанія. Нѣкоторые дополненія, добавленные для точности цитатъ, и примѣчанія отмѣчаются прямыми скобками. [И. Крачковскій].

Въ указаніи о мѣстѣ читаемъ мы слѣдующую коротенькую замѣтку объ одномъ древне-арабскомъ генеалогѣ:

لِسَانُ الْحَمْرَةِ

واسمه وِقَاءُ بنِ الْأَشْعَرِ وَكُنِيَّتُهُ أَبُو كِلَابٍ وَكَانَ نَاسِبًا وَاشْتَدَّ النَّاسُ تَبْهًا وَكِبْرًا

т. е.

*Lisān-al-humra*²: Его имя — Викъ-ибн-ал-Аш'аръ, его купья — Абû Килâбъ. Онъ былъ генеалогъ и самый гордый и надменный изъ людей.

Въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту (См. Fihrist II, 42—43) издатель указываетъ, что вмѣсто لِسَانُ у Ибн-Кутейбы (ed. Wüstenfeld, p. 206)

¹ ЗВО. VII, 328.

² Это — прозвище: въ переводѣ оно значить «языкъ воробья (или соловья)». См. Lane [II, 641] и туземные словари [*Lisān-al-'arab* V, 293: ضَرْبٌ مِنَ الطَّيْرِ كَالْعَصَافِيرِ; *Tadris-al-'arūṣ* III, 156: طَائِرٌ مِنَ الْعَصَافِيرِ].

стоитъ ابن لسان, но что Ибн-Дурейдъ (ed. Wüstenfeld, p. 213) пишетъ لسان (подтверждая такимъ образомъ чтение рукописей Фихриста)¹.

Отмѣтимъ прежде всего, что тутъ есть маленькое недоразумѣніе: Фихристъ говоритъ объ извѣстныхъ знатокахъ генеалогіи (уже послѣ ислама), и среди нихъ упоминаетъ о Лисан-ал-хуммарѣ. Ибн-Дурейдъ же называетъ Лисан-ал-хуммару «однимъ изъ краснорѣчивыхъ ораторовъ временъ невѣжества»². Затѣмъ опъ же прибавляетъ со словъ Абу Убеиды, что Вика (واق) этотъ (т. е. Вика сынъ ал-Ашъара) и есть Лисан-ал-хуммара, что онъ родился во время какой то междуусобицы между племенами, что тогда именно явился исламъ, «оня» (т. е. враждовавшие другъ съ другомъ роды) были отвлечены (отъ своихъ междуусобицъ) исламомъ и тогда отецъ сказалъ: аллахъ спасъ *انا لله* *واقنا به* насъ имя (исламомъ отъ междуусобицы) и своего сына назвалъ *Вика* *واق* (= спасеніе).

Очевидно, что слова Абу Убеиды противорѣчатъ Ибн-Дурейду, такъ какъ Вика этотъ (или Лисан-ал-хуммара) не могъ быть однимъ изъ «краснорѣчивыхъ ораторовъ временъ невѣжества», если онъ родился уже послѣ ислама. Но это уже другой вопросъ. Для насъ пока важно то, что чтение Ибн-Дурейда не можетъ служить подтвержденіемъ чтенія Фихриста, такъ какъ, несмотря на тожество именъ (Вика и его отца ал-Ашъара), не исключена возможность, что рѣчь идетъ о другомъ лицѣ. Другое дѣло — Ибн-Кутейба, который говоритъ: *Ибн-Лисан-ал-хуммара*, генеалогъ, Вика-ибн-ал-Ашаръ, по кунѣ Абу Килабъ. Онъ былъ лучший знатокъ генеалогіи изъ арабовъ и проницательнѣйшій изъ ихъ». Тутъ сомнѣній быть не можетъ: *Лисан-ал-хуммара* — Фихриста и *Ибн-Лисан-ал-хуммара* — Ибн-Кутейбы одно лицо. Спрашивается только, какъ было его имя въ дѣйствительности *Лисан-ал-хуммара* или *Ибн-Лисан-ал-хуммара*?

Благодаря довольно рѣдкому слову *حمرة*, лицо носившее прозвище Лисан-ал-хуммара, упоминается также въ большихъ арабскихъ словаряхъ какъ то въ *Сихахъ*, *Камустъ*, *Лисан-ал-Арабъ*³, *Тадж-ал-Арсъ*⁴. Вездѣ оно называется *Ибн-Лисан-ал-хуммара*, какъ у Ибн-Кутейбы, а не просто Лисан-ал-хуммара, какъ въ Фихристѣ и у Ибн-Дурейда. *Ибн-Лисан-ал-хуммара* стоитъ также у Мейданія въ сборникѣ пословицъ (изд. Булакское 1284 г., т. II, 253) и у Демірія (изд. Булакское I, 330). Издатель Фихриста, конечно, долженъ былъ руководствоваться рукописями Фихриста,

¹ [Весь дальнѣйшій отрывокъ объ Ибн-Дурейдѣ до словъ «такъ какъ, несмотря на тожество.... вычеркнуть въ рукописи синимъ карандашомъ»].

² Т. е. до исламскаго времени.

³ V, 294.

⁴ 2-е изданіе III, 156.

чение которыхъ въ добавокъ подтверждалось такимъ хорошимъ авторитетомъ, какъ Ибн-Дурейдъ. Указавъ на чтение Ибн-Кутейбы, онъ сдѣлалъ все что отъ него требовалось.

При сбивчивости свѣдѣній указанныхъ выше авторовъ объ интересующемъ насъ лицѣ чрезвычайно трудно, если не невозможно, рѣшить, кто правъ. Мы на этотъ разъ и не намѣрены вдаваться въ изслѣдованіе этого вопроса по существу. Но благодаря счастливой случайности мы можемъ, по крайней мѣрѣ рѣшить, *какъ* писалъ это имя авторъ Фихриста:

Библіотекѣ Имп. Спбургскаго Университета принадлежатъ драгоценная рукопись перваго тома (до корня *عشش*) большого словаря *مجمع البحرين* ал-Саганія *الصغاني* † 650 гг. Она описана І. Θ. Готвальдомъ въ ставшемъ нынѣ чуть не библиографической рѣдкостью «Описаніи арабскихъ рукописей, принадлежавшихъ библіотекѣ Имп. Казанскаго Университета». Казань 1854—1855, стр. 199—202.

[На этомъ кончается рукопись бар. В. Р. Розена и все дальѣйшее принадлежитъ мѣ. Н. Кр.].

[Конечно въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія было трудно оцѣнить значеніе труда ас-Саганія по существу; тогда было еще слишкомъ мало матеріаловъ не только по исторіи арабской лексикографіи, но и литературы вообще. Нужно сказать, что истекшіе 60 лѣтъ нисколько не умалили значенія этой рукописи; скорѣе именно теперь дѣлается возможной оцѣнка этого произведенія должнымъ образомъ. За послѣдніе годы выяснено, что ас-Саганія принадлежатъ до 32 работъ преимущественно лексикографическаго характера¹; изъ нихъ издана, насколько намъ извѣстно, только одна небольшая монографія о «словахъ съ противоположнымъ значеніемъ»². Прочіе труды рѣдко извѣстны даже въ рукописяхъ, чаще только по заглавію; однимъ изъ послѣднихъ по времени является и интересующее насъ *Маджма' ал-бағрейнъ*³. До сихъ поръ петроградская рукопись можетъ

¹ См. его біографію и списокъ трудовъ, составленный А. Salhani въ книгѣ А. Haffner'a, *Drei arabische Quellenwerke über die Ahdad, Beirut 1913*, стр. 251—253. Эта статья во многомъ дополняетъ соответствующій отдѣлъ у Brockelmann'a, *Geschichte der arabischen Literatur*, I, Berlin 1898, стр. 361—362.

² А. Haffner, *op. cit.* 221—248.

³ Изъ раннему періоду его дѣятельности работа относиться не можетъ, такъ какъ въ ней уже использованъ другой трудъ автора *كتاب التكملة والذيل والصلة* (очень хорошая рукопись послѣдняго, писанная при жизни автора въ 642 году, имѣется въ хедивской библіотекѣ въ Каирѣ, см. Зейдънъ *إداب اللغة العربية* т. III, 49—50. Въ Европѣ отрывки встрѣчаются рѣдко, см. Brockelmann I, 129). Послѣдней же работой, не доведенной до конца вслѣдствіе смерти, является *العباب الزاخر*, отрывки изъ котораго имѣются въ Каирѣ и Константинополѣ (Brockelmann, *op. cit.* I, 361. Ср. Зейдънъ, *op. cit.* II, 49 № 8).

считаться уникомъ въ Европѣ, такъ какъ существованіе другихъ списковъ отмѣчено только въ бібліотекахъ Копрюлю въ Константинополѣ¹ и въ хедвской въ Каирѣ². Для европейскихъ арабистовъ петроградская рукопись продолжаетъ оставаться неизвѣстной благодаря недоступности труда Готвальдта и отсутствію каталога рукописей университетской бібліотеки. Между тѣмъ она заслуживаетъ полнаго вниманія уже по самому исполненію, которое почти приближается къ идеальной удовлетворительности: рукопись скопирована съ автографа и снабжена на поляхъ многочисленными глоссами изъ того же автографа³. По содержанію сочиненіе нисколько не устарѣло даже и теперь, когда мы располагаемъ капитальными, но болѣе поздними по времени сводами *Лисāн-ал-арабъ* (составленъ до 711/1311 г.) и *Тадж-ал-арӯсъ* (1181/1767 г.). Конечно, и произведеніе ас-Сагāнпī нельзя считать «первоисточникомъ» въ арабской лексикографіи; такимъ мы могли бы признать только словарь ал-Халіля (ум. 791 г.), считавшійся до послѣднихъ лѣтъ утраченнымъ, но въ недавнее время обнаруженный въ Месопотаміи въ нѣсколькихъ спискахъ⁴, и рядъ монографій раннихъ арабскихъ ученыхъ. При всемъ томъ, въ работѣ ас-Сагāнпī, цѣнной вообще, для насъ особенно важно обиліе цитатъ изъ раннихъ произведеній арабской литературы, въ большинствѣ не сохранившихся до нашихъ дней. Эти цитаты находятся частью въ самомъ текстѣ словаря, частью внесены въ видѣ упомянутыхъ дополненій на поляхъ рукописи той же рукой, какъ и весь текстъ. Одно изъ такихъ примѣчаній и даетъ поводъ говорить о написаніи имени извѣстнаго генеалого въ *Фихристь*. Подъ корнемъ *хмр* въ примѣчаніи на поляхъ мы читаемъ⁵: «Ибн-Лисāн-ал-хуммара-куфїецъ, генеалогъ; имя его 'Абдаллахъ-ибн-Хусайнъ-ибн-Рабі'а-ибн-Су'айр-пбн-Килāбъ Абӯ-Килāбъ. Хусайнъ — это и есть Лисāн-ал-хуммара. И читалъ я въ книгѣ *Фихристь* Мухаммеда-ибн-Исхāқа-ибн-ан-Недїма [писанной] его рукой, что имя его Варқā-ибн-ал-Аш'артъ, а *куниа* Абу-Килāбъ; первое же [передается] со словъ Ибн-ал-Келбїи». Это указаніе съ несомнѣнностью рѣшаетъ вопросъ о томъ, что и въ изданіи *Фихриста* должно стоять *Ибн-Лисāн-ал-хуммара*; если бы этого начертанія

¹ Brockelmann I, 361.

² Зейднъ III, 50 № 4.

³ Ср. отзывъ бар. В. Р. Розена въ ЗВО. VII, 382.

⁴ См. Христіанскій Востокъ, т. III, 309.

⁵ Л. 185^в: ابن لسان الحمرة كوفي نسبة واسمه عبد الله بن حصين بن ربيعة بن صغير بن كلاب أبو كلاب وحصين هو لسان الحمرة وقرات في كتاب الفهرست لمحمد بن إسحاق بن النديم بخطه ان اسمه ورفاء بن الأشعر كنيته أبو كلاب والاول عن ابن الكلبي

не было въ автографѣ, ас-Сагāнī конечно оговорилъ бы его, какъ онъ считалъ пужнымъ оговорить разногласіе между авторомъ *Фихриста* и Ибн-ал-Келбī относительно собственнаго имени. Возникновеніе «упрощеннаго» начертанія у Ибн-Дурейда, равно какъ и у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ до нашихъ дней¹, объясняется быть можетъ, причинами до нѣкоторой степени, психологическаго порядка: знаменитому «оратору» болѣе логично было дать прозвище «птичьяго языка», чѣмъ величать его по забытымъ давно основаніямъ «сыномъ птичьяго языка». Насколько непонятнымъ казалось это прозвище свидѣтельствуемъ дальнѣйшая путаница, сказавшаяся въ XII вѣкѣ у Ибн-ал-Асїра (ум. 606/1209) въ его «Словарѣ прозвищъ по родству»: тамъ нашъ генеалогъ по однимъ даннымъ оказался уже Лисāп-ибн-ал-хуммара. Ибн-ал-Асїръ говоритъ о немъ дважды; одинъ разъ онъ пишетъ²: «Ибн-ал-Хуммара съ удвоеніемъ *мйма*; имя его Лисāнъ, но говорятъ, что онъ Ибн-Лисāн-ал-хуммара. Такъ говорятъ ал-Джаухарī. Но говорятъ также, что его имя Виқā³-ибн-ал-Аш'аръ, а *кунья* Абū-Килāбъ». Былъ онъ однимъ изъ краснорѣчивыхъ генеалоговъ и ораторовъ арабовъ изъ племени Теїм-Аллāх-ибн-Са'лаба. Онъ вошелъ въ поговорку, какъ знатокъ генеалогій — говорится: «лучшій генеалогъ, чѣмъ Ибн-ал-Хуммара». Приблизительно то же самое повторять Ибн-ал-Асїръ и подъ словами Ибн-Лисāн-ал-хуммара⁴.

Приходится отмѣтить, что приписка въ *Маджма' ал-бахрейн* ас-Сагāнī, устанавливая — какъ намъ кажется окончательно — имя генеалога въ видѣ Ибн-Лисāп-ал-хуммара, въ то же время выдвигаетъ на очередь другое затрудненіе. Если имя Варқā, приводимое въ цитатѣ изъ *Фихриста*, можно возводить не къ первоисточнику, а лишь къ переписчику, то все же пзвѣстно, что оно встрѣчается въ другихъ источникахъ⁵, а слѣдовательно съ нимъ приходится считаться. Съ одной стороны, въ появленіи его можно видѣть тоже слѣдствіе «психологическихъ» причинъ: замѣну общеупотребительнымъ именемъ Варқā болѣе рѣдкаго Виқā, существованіе котораго въ данномъ случаѣ устанавливается приводимой со словъ Абū-'Убеїды легендой. Съ другой стороны, нельзя однако отрицать возможности созданія легенды ad hoc подъ вліяніемъ искаженнаго имени. Если объясненія ходя-

¹ На основаніи *Фихриста* и Зейдāнъ, напримѣръ, говоритъ о генеалогѣ لسان الحمرة (См. op. cit. I, 232).

² Ibn-al-Atir's Kunja-Wörterbuch, hrsg. von C. F. Seybold, Weimar 1896, стр. 79, 1203—80, 1207.

³ Sic рукопись Ибн-ал-Асїра; въ изданіи же имя переправлено въ Варқā на основаніи *Тадж-ал-'арӯса*.

⁴ Ibid. 193, 2947—2950.

⁵ Напр., ад-Дамірī или *Тадж-ал-'арӯса*.

чихъ выраженій въ арабской литературѣ возникали иногда значительно позже того, какъ настоящая прическа была совершенно забыта, то конечно, глѣть основаній ожидать лучшей судьбы для объясненія рѣдкихъ именъ.

Во всякомъ случаѣ, если относительно именъ Варқā и Виқā еще можно разсуждать, то конечно, ничего нельзя сказать относительно того, какъ же на самомъ дѣлѣ звали знаменитаго генеалога: 'Абдаллāх-ибн-Хусайнъ или Виқā-ибн-ал-Аш'аръ? Оба этихъ имени засвидѣтельствованы достаточно раними и весьма авторитетными источниками: первое знаменитымъ Ибн-ал-Келбī (Хишāмом-ибн-Мухаммедомъ, ум. ок. 819—821), второе не менѣе знаменитымъ Абū-Убейдой (Ма'маромъ-ибн-ал-Мусанной, ум. 825). Оба они были современниками, оба считались знатоками генеалогій и у насъ въ данномъ случаѣ пѣтъ никакихъ основаній для предпочтенія того или другого свидѣтельства. Выводъ изъ ихъ разнорѣчивыхъ показаній можетъ быть только одинъ: уже въ VIII вѣкѣ имя, которое носилъ «знаменитый» генеалогъ VII вѣка было совершенно забыто и вытѣснено колоритнымъ прозвищемъ его или его отца, съ которымъ онъ и остался въ памяти потомства.

Въ концѣ концовъ это для насъ и не важно; гораздо важнѣе, что благодаря тому же Ибн-ал-Келбī мы располагаемъ по счастливой случайности однимъ разсказомъ, который даетъ вполне ясное представленіе не только о времени жизни интересующаго насъ арабскаго генеалога, но даже и о самомъ характерѣ его «генеалогической науки». Возможно, что этотъ разсказъ заимствованъ изъ того же произведенія, какъ и справка у ас-Сагāнī, хотя не менѣе вѣроятна устная передача съ его словъ¹. Сохранивъ этотъ разсказъ Абū-л-Фараджемъ Исфахāнскимъ (ум. 967 г.) въ его «Купгѣ пѣсенъ»².

«Разсказывалъ мнѣ 'Алī-ибн-Сулейманъ ал-Ахфашъ³, передававший, что ему разсказывалъ Абū-Саїдъ ас-Суккарī⁴, который слышалъ

¹ По очень соблазнительному предположенію цитата у ас-Сагāнī можетъ идти изъ знаменитой *جمهرة النسب* Ибн-ал-Келбī (ср. *Фихриетъ* 97,23), которую онъ цитуетъ чаще всѣхъ другихъ его произведеній (напр., л. 155^a s. v. مرد, 207^a — شقر, 234^a قزر, 231^b — فغر, 271^b — حيس و др.). Для характеристики обилія интересныхъ цитатъ у ас-Сагāнī привожу названія другихъ работъ Ибн-ал-Келбī, которыя упоминаются на просмотрѣнных мною (случайно) страницахъ: *كتاب الغاب الشعراء* — л. 48^b s. v. كذب, 221^b عصر; *كتاب افتراق العرب*: *عيب* 44^a *كتاب أسماء سيوف العرب* (ср. *Фихриетъ* 96,25 и 29); *كتاب افتراق العرب*: *كثير* 238^a *كتاب الاصنام* (ср. *Фихриетъ* 96,24). Иногда цитаты болѣе неопредѣленны: *إنشاد ابن الكلبي* или *شعر* 206^b *كتاب ابن الكلبي* 147^b *إنشاد ابن الكلبي* 147^b *عبد*. О цитатахъ у ас-Сагāнī ср. еще у бар. В. Р. Розена въ ЗВО. VII, 382.

² XIV, 143.

³ Ум. 315/920. (Brockelmann, op. cit. I, 125 № 7).

⁴ Ум. 275/888—889 (Мѣдниковъ, Палестина — переводъ — стр. 1615).

отъ Мухаммеда-ибн-абӯ-с-Сарї (а имя Абӯ-с-Сарї было Сахл-ибн-Селәмъ ал-Аздї)¹, которому передавалъ Хишәм-ибн-Мухаммедъ², слышавшій отъ 'Аваны-ибн-ал-Ҳакама³ слѣдующее. Вышелъ разъ ал-Мугїра-ибн-Шу'ба, бывшій въ то время правителемъ Кӯфы, съ Хайсамомъ-ибн-ал-Асвадомъ неха'итомъ прогуляться за городъ послѣ небольшого дождя, и встрѣтился съ Ибн-Лисән-ал-хуммара изъ племени Тейм-Аллāх-ибн-Са'лаба, который не зналъ въ лицо ал-Мугїру. Правитель у него спросилъ: «Откуда ты направляешься, бедуинъ?» — Изъ ас-Семāвы, отвѣчалъ тотъ⁴. «Какой ты оставилъ землю позади себя?» — Широкой, обильной⁵. «А изъ какихъ ты?» — Изъ (племени) Бекр-ибн-Вāиль. «А что ты знаешь о нихъ?» — Если ты ихъ не знаешь, то я не знаю никого, кромѣ нихъ! «А что ты скажешь о бенӯ-Шейбāнъ?» — Они князья — и наши и не наши. «А что ты скажешь о бенӯ-Зухль?» — Князья глупцы. «А что Қайс-ибн-Са'лаба?» — Если ты будешь ихъ со-сѣдомъ, они обкрадутъ тебя (*сарақӯк*); если доверишься имъ, взмѣнятъ тебѣ (*хāнӯк*). «А бенӯ-Тейм-Аллāх-ибн-Са'лаба?» — Пастухи коровъ и под-жилки собакъ⁶. «А что ты скажешь о бенӯ-Ишкуръ?» — Чистый происхожденіемъ, котораго держать въ заключеніи кліентъ⁷. «А 'Иджль?» — Подсѣдельники у лошадей⁸. — «А Ҳашфа?» — Они кормятъ їдой (*ат-тāām*) и разсѣкаютъ черепа (*ал-хāм*) «А 'Аназа?» — Двѣ губы не встрѣтятся порицая ихъ. «А Дубей'а Адджамъ?»⁹ — Безносые (*джад'ā*) и беззубые (*акрӯ*). «Скажи мнѣ теперь что-нибудь о женщинахъ»¹⁰. — Женщины че-

¹ Этотъ источникъ мнѣ неизвѣстенъ; имя филолога ас-Саррāджа было Мухаммедъ ас-Сарї, но онъ умеръ въ 316/928 году (См. Brockelmann, I, 112 № 26).

² = Ибн-ал-Келбї.

³ Въ текстѣ стоитъ *عوانة عن الحكم* (= 'Аванна отъ ал-Ҳакама), но я читаю *عوانة بن الحكم* = имя извѣстнаго историка, умершаго въ 147/764—765 году. (См. Мѣдниковъ, op. cit. 1507).

⁴ Въ дальнѣйшемъ я опускаю безчисленно повторяющееся въ текстѣ *قال* «сказалъ», сохраняя диалогическую форму.

⁵ Въ текстѣ *عريضة أريضة* второе слово можетъ быть просто *итбā* риторическимъ спутникомъ безъ опредѣленнаго значенія. Ср. T'A V, 4 внизу и M. Grünert, Die Begriffsverstärkung durch das Etymon im altarabischen, Wien 1892 (= отг. изъ SBWA т. СХХV), стр. 27. Въ дальнѣйшемъ я отмѣчаю въ скобкахъ рюмованныя выраженія въ отвѣтахъ Лисән-ал-хуммара.

⁶ Вѣроятно, намекъ на постоянную бѣготню за стадами.

⁷ Въ текстѣ внесена глосса Хишāма-ибн-ал-Келбї: «потому что въ цвѣтѣ ихъ кожи краснота» (т. е. они не чистаго происхожденія).

⁸ Намекъ на постоянную їду верхомъ.

⁹ Въ текстѣ *اضحيم*, но надо читать *اضحيم*. (См. T'A VIII, 373 и Wüstenfeld, Register zu den genealogischen Tabellen, Göttingen 1853, стр. 156 s. v.). *Адджам* собственно значить криворотый или кривоносый.

¹⁰ Дальнѣйшая характеристика женщинъ приводится почти буквально (и очевидно изъ того же источника) въ T'A V, 388. Варианты я отмѣчаю ниже, а переводъ даю по

тыре — весна¹ въ полномъ расцвѣтѣ (*мурабба*), совокупность собирающая (*йаджма*)², шайтанъ хитрый (*самъ ма*) и кадалы, которыхъ не сбросить (*йухла*)³. «Разъясня», сказалъ⁴ ал-Мугйра. — Весна — такова⁵, что если ты на нее посмотришь, она тебя обрадуетъ (*сарратка*); если о чемъ либо настойчиво попросишь, исполнить честно (*барратка*)⁶. Совокупность собирающая⁷ — женщина съ состояніемъ⁸; если ты на ней женишься, она твое состояніе присоединитъ къ своему⁹. Шайтанъ хитрый — хмуриющаяся¹⁰ тебѣ въ лицо, когда ты приходишь (*дазат*), и вопиющая вслѣдъ, когда ты уходишь (*хараджт*). Кадалы, которыхъ не сбросишь¹¹, дочь твоего дяди, черная, малая, глупая и противная¹². Она предоставила¹³ тебѣ свое лоно и, если¹⁴ ты разведешься съ ней, пропадетъ твой ребенокъ, а удержишь ее — на погибель¹⁵ своего носа». Потомъ ал-Мугйра у него спросилъ: «А что ты скажешь о твоемъ змиръ ал-Мугйрѣ-ибн-Шу'бѣ?» «Кривой развратникъ», отвѣчалъ тотъ. Его персбилъ ал-Хайсамъ: «Да сокрушитъ Аллахъ твой ротъ! Вѣдь предъ тобой самъ змиръ ал-Мугйра!» Но тотъ его остановилъ: «Такое слово обо мнѣ, клянусь Аллахомъ, говорится»¹⁶. Потомъ онъ повелъ его въ свой домъ, гдѣ было тогда четыре жены и шестьдесятъ или семьдесятъ невольницъ, и сказалъ ему: «Горе тебѣ! Станетъ ли благородный человекъ развратничать, если у него столько этихъ?» Затѣмъ онъ обратился къ женамъ со словами: «Бросьте ему ваши украшенія!» Бедуинъ уразумѣлъ все и вышелъ съ плащомъ, полнымъ золота и серебра».

тексту كتاب الاعانى, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ далеко не увѣрентъ, такъ какъ крайне лаконичныя изреченія допускаютъ разнообразную огласовку и различное толкованіе.

¹ Ag. ربيع T'A یربيع.

² Ag. تجمع T'A یتجمع.

³ Ag. تخلع T'A یتخلع.

⁴ Ag. فقال T'A قال.

⁵ Ag. الربيع المرعب الشابة الجميلة التي T'A اما الربيع فالتى.

⁶ Ag. ابرتك T'A برتك.

⁷ Ag. واما الجميع التى تجمع T'A واما التى هى جميع یتجمع.

⁸ T'A вст. نشب.

⁹ Ag. ذلك T'A نشبک الى نشبها.

¹⁰ Ag. فى المرمة الكالحة T'A فالکالحة.

¹¹ Ag. التى لا تخلع T'A الذى لا یتخلع.

¹² Ag. القصيرة الفوهات الذميمة السوداء T'A السوداء القصيرة الورهاء الذميمة.

¹³ Ag. نشرت T'A قد نثرت.

¹⁴ Ag. فان T'A ان.

¹⁵ Ag. على مثل T'A فعلى.

¹⁶ Ал-Мугйра былъ правъ: такая его характеристика повторялась неоднократно: и халифъ 'Омаръ назвалъ его رجل فاسقъ при назначеніи правителемъ. (См. а. л. II а' қ' бп. изд. Houtsma, II, 178, а).

Для литературной исторіи этотъ разсказъ представляетъ интересъ первостепенной важности. Рѣдко въ какомъ либо свидѣтельствѣ выдѣляются съ такой ясностью всѣ источники; только относительно одного у насъ могутъ оставаться сомнѣнія, всѣ же прочіе представляютъ совершенно опредѣленные въ исторіи арабской литературы фигуры. Предпоследнимъ звеномъ служить извѣстный уже намъ Ибн-ал-Келбї, и на основаніи этого не совсѣмъ опрометчивымъ будетъ заключеніе о его специальномъ интересѣ къ раннему предшественнику по генеалогическимъ заявкамъ. Изреченія главнаго героя представляютъ интересный образчикъ старо-арабской прозы; какъ извѣстно, нѣкоторыя части «Книги пѣсень» (напр., разсказы о до-исламскихъ бояхъ) восходятъ къ очень раннему періоду и въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ оснований сомнѣваться въ подлинности этихъ изреченій. По своему характеру они очень близко напоминаютъ общій колоритъ творчества генеалоговъ ранняго періода, который такъ хорошо обрисованъ Goldziher'омъ, особенно въ лицѣ главнаго представителя этого направленія Дагфала¹. Несомнѣнно, что въ арабскихъ источникахъ кроется еще не мало данныхъ для характеристики Ибн-Лисāн-ал-хуммара; я ограничусь только упомянутымъ уже отрывкомъ изъ ад-Дамїри², который хотя и не имѣетъ отношенія къ генеалогическимъ познаніямъ нашего бедуина, но характеризуетъ его способъ выражаться и мыслить.

«Ибн-Лисāн-ал-хуммара былъ однимъ изъ бедуинскихъ ораторовъ въ племени Тейм-Аллāt-ибн-Са'лаба. Былъ онъ изъ ученыхъ своего времени, вошедшихъ въ пословицу по краспорѣчию и долготѣію. Имя его Варқā-ибн-ал-Аш'аръ, *куйя* Абү-Килāбъ³. Спросилъ его разъ о чемъ то Му'āвїя, онъ отвѣтилъ и тогда Му'āвїя его спросилъ: «Чѣмъ ты приобрѣлъ знаніе?» Тотъ сказалъ: «Языкомъ разспрашивающимъ (*са'ўа*) и сердцемъ размышляющимъ (*'ақўа*)»⁴, а потомъ добавилъ: «О эмїръ правовѣрныхъ! Знаніе сопряжено съ несчастіемъ, гибелью (*идā'а*), бѣдой и голодомъ (*истиджа'а*). Несчастіе для него — забывчивость, гибель — передача недостойнымъ, бѣда — лживость, а голодъ выражается тѣмъ, что обладатель знанія боленъ аппетитомъ и никогда не насытится».

Упомянутое здѣсь долготѣіе Ибн-Лисāн-ал-хуммара послужило причиной того, что онъ появляется иногда въ литературной традиціи среди

¹ Muhammedanische Studien I, Halle 1889, 182 слѣд.

² I, 330.

³ На поляхъ глосса издателя: «А говорить — 'Абдаллах-ибн-Хусейнъ, какъ въ *Киймисъ*».

⁴ Въ анонимной формѣ это изреченіе проводитъ ал-Джаўхари (*Китāб-ал-хайбвāль*, т. III, Каиръ 1324, стр. 153: *وقيل لرجل أتى لك هذا العلم قال لسان سوؤل وقلب عقول*).

такъ называемыхъ *ал-мугаммарун* долголѣтнихъ¹. Его остроумію обязать своимъ происхожденіемъ рядъ ходячихъ выраженій², въ объясненіи которыхъ апокрифичное творчество могло играть большую роль, чѣмъ въ такъ называемыхъ «генеалогическихъ» произведеніяхъ.

Появленіе двухъ историческихъ личностей—ал-Мугйры-ябн-Шу'бы и Му'авіи — послѣдняго съ титуломъ эмира правобѣрныхъ, то-есть послѣ признанія халифомъ — даетъ достаточно твердыя хронологическія рамки для времени жизни Ибн-Лисан-ал-хуммара. Ал-Мугйра, «одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей ранняго ислама»³, дважды былъ правителемъ Кѹфы: первый разъ онъ былъ назначенъ 'Омаромъ въ 21 г. хиджры⁴ и пробылъ около двухъ лѣтъ⁵, второй разъ при Му'авіи, оставаясь уже до своей смерти въ 50/670—671 году⁶. Разсказъ относится очевидно ко второму періоду, между прочимъ потому, что ал-Мугйра величается «кривымъ»; потерялъ же онъ глазъ при завоеваніи Сиріи у Ярмѹка⁷ послѣ управленія Кѹфой въ первый разъ. Къ этому же времени приблизительно надо относить и свиданіе Ибн-Лисан-ал-хуммара съ Му'авіей. Такъ какъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ установлено, что рожденіе Му'авіи относится къ 601—605 году⁸, а ал-Мугйры къ 614-му⁹, смерть же перваго падаетъ на 681-й, а второго на 670 годъ, то время жизни ихъ современника мы можемъ съ достаточной долей вѣроятности опредѣлить первыми тремя четвертями VII вѣка нашей эры. Если принять во вниманіе вошедшее въ пословицу долголѣтіе его, то эти рамки можно раздвинуть на нѣсколько десятковъ лѣтъ въ ту или другую сторону. Легенда, приводимая Абѹ-'Убейдой позволяетъ закрѣпить дату его рожденія началомъ VII вѣка; слова Ибн-Дурейда о «временахъ невѣжества» быть можетъ, относятся скорѣе къ старо-арабскому характеру дѣятельности генеалога, чѣмъ къ его времени.

Въ заключеніе можно еще отмѣтить, что едва ли Ибн-Лисан-ал-хуммара оставилъ послѣ себя письменные памятники. Помимо молчанія литературныхъ источниковъ, объ этомъ говорятъ и отрывки, приведенные

¹ Goldziher, *Abhandlungen zur arabischen Philologie*, II, 1899, стр. XLI. (Въ цитатѣ ал-Мейданий, прим. 1, маленькая неточность: выраженіе *كبراً وأعظمهم* отгѣняется не долголѣтіе, а надменность).

² См., напр. Freytag, *Arabum proverbia*, II, 171 № 5. Ср. еще 775 № 97 и 163 № 268.

³ Caetani, *Annali dell' Islam* — IV, 681.

⁴ *Ibid.* IV, 451—453.

⁵ *Ibid.* IV, 681 № 14, nota 1.

⁶ Wüstenfeld, *Register* 305.

⁷ Мѣдяниковъ, *Палестина*, переводъ — 579.

⁸ Caetani, *op. cit.* I, 174, § 164.

⁹ *Ibid.* I, 262, § 264 № 3.

выше. Если рямованная проза была одной изъ старѣйшихъ формъ арабской устной «литературы» — въ до-исламскую эпоху у всякихъ кѣдиновъ, въ послѣ-исламскую преимущественно у бедуиновъ, — то въ письменныхъ произведеніяхъ она появляется гораздо позднѣе, не раньше эпохи аббасидовъ. Goldziher еще не зналъ¹, пользовался ли саджемъ Абд-ал-Хамидъ (ум. 132/750), считавшійся главнымъ представителемъ арабскаго эпистолярнаго слога въ эпоху омейядовъ; недавно изданныя на востокѣ произведенія его даютъ на это отрицательный отвѣтъ². Характерно, что и про Дагфала, современника Ибн-Лисѣн-ал-хуммара, основателя генеалогической науки, источянки вполне опредѣленно говорятъ, что онъ не оставлялъ послѣ себя сочиненій³.

Такимъ образомъ, результатомъ настоящей замѣтки, навѣянной цитатой ас-Сагāнī, можно считать слѣдующіе выводы:

1. Прозвище извѣстнаго генеалога было Ибн-Лисѣн-ал-хуммара; чтеніе, принятое въ изданіи *Фихриста*, опровергается цитатой по автографу составителя въ словарѣ ас-Сагāнī.

2. Для рѣшенія вопроса о томъ, каково было его настоящее имя, источники даютъ слишкомъ мало матеріала.

3. Время его жизни можетъ быть отнесено съ извѣстной долей вѣроятія къ первымъ тремъ четвертямъ VII вѣка.

4. Отдѣльныхъ сочиненій онъ, повидимому, не оставилъ, какъ и другіе ранніе генеалоги].

† Бар. В. Розень.

¹ Abhandlungen I, 66 прим. 4.

² رسائل البلغاء عنی بجمعها محمد كرد علی, Каиръ 1913, стр. 139—175.

³ *Фихристъ* 89,19: لا مصنف له. Едва ли можно видѣть противорѣчіе этому въ словахъ ал-Джаъиза, когда онъ упоминаетъ (*Китāб-ал-хайавāйи* III, 69) про книги генеалогіи, *триписовемия* (التي تضاف) Ибн-ал-Келбī, Дагфалу, Ибн-Лисѣн-ал-хуммара и другимъ знаменитымъ генеалогамъ.